

С. Грузенберг

**Очерки современной русской
философии**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
С11

С11 **С. Грузенберг**
Очерки современной русской философии / С. Грузенберг – М.: Книга
по Требованию, 2020. – 86 с.

ISBN 978-5-458-54530-3

ISBN 978-5-458-54530-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2020

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2020

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

скихъ“ и „Матеріалы для исторіи русской философіи“, проф. казанскаго университета г. Евгенія Боброва; богатые библиографическія свѣдѣнія содержатся также въ „Философскомъ Ежегодникѣ“ Я. Н. Колубовскаго,—изданіи, представляющемъ въ настоящее время библиографическую рѣдкость. Яркую характеристику отдѣльных теченій русской философіи даетъ также М. М. Филипповъ въ своей статьѣ: „О судьбахъ русской философіи“ (нап. въ „Научн. Обзор.“ за 1902 г.) и г. Ossip-Loulié въ своей книгѣ „La philosophie russe“; наконецъ характеристику философскихъ воззрѣній отдѣльныхъ русскихъ авторовъ можно найти въ монографіяхъ (напр. въ блестящей монографіи И. И. Лапшина о Радищевѣ—въ прил. къ полному собранію сочиненій Радищева въ изд. Акинфіева) и многочисленныхъ статьяхъ, напечатанныхъ въ „Вопросахъ философіи“, „Энциклопедическомъ словарѣ“ Брокгауза и Ефрона, въ словаряхъ А. С. Венгерова, М. М. Филиппова и др. изданіяхъ. Наиболѣе полный перечень литературы вопроса читатель найдетъ въ упомянутомъ выше очеркѣ Я. Н. Колубовскаго, а также въ „Исторіи новой философіи“ Виндельбанда (I изд. пер. подъ ред. проф. А. И. Введенскаго).

С. Г.

I.

Гегельянство.

Гегельянство, призвавшее къ жизни славянофильство и западничество, выдвинуло во второй половинѣ прошлаго столѣтія цѣлую плеяду русскихъ мыслителей (Н. Н. Страховъ, С. С. Гогоцкій, Б. Н. Чичеринъ, П. Г. Рѣдинъ, Е. В. Амфитеатовъ и др.), пытавшихся обосновать идеологию русскаго общественнаго быта на заново переработанныхъ принципахъ, завѣщанныхъ отцомъ пангегелизма. Въ позднѣйшей фазѣ своего развитія русское гегельянство утратило, однако, свой идеологическій характеръ, найдя себѣ новое истолкованіе и гносеологическую переработку въ трудахъ главы современнаго русскаго гегельянства—Н. Г. Дебольскаго, съ именемъ коего связано новое русло въ исторіи этого теченія въ Россіи, извѣстное подъ именемъ „философіи феноменальнаго формализма“.

Сынъ богослова—педагога, Николай Григорьевичъ Дебольскій (родился въ Петербургѣ въ 1842 году) получилъ высшее физико-математическое образованіе въ горномъ институтѣ и петербургскомъ университетѣ; въ ту пору философская спекуляція была въ загонѣ; естественно, поэтому, что и молодой философъ проявлялъ склонность къ эмпиризму, представителемъ котораго для русскаго общества былъ въ шестидесятые годы Джонъ Стюартъ Милль; посвя-

тивъ себя литературно-педагогической дѣятельности, Н. Г. долгое время состоялъ преподавателемъ I-й петербургской военной гимназіи и другихъ учебныхъ заведеній столицы; съ 1882 по 1886 г., по порученію Петербургской духовной академіи, читалъ въ ней, въ качествѣ доцента, курсъ по метафизикѣ, логикѣ и психологіи; одно время состоялъ инспекторомъ школъ технического общества и вице-директоромъ департамента народнаго просвѣщенія министерства народнаго просвѣщенія; въ настоящее время состоитъ членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія и председателемъ педагогическаго совѣта гимназіи кн. Оболенской.

На литературное поприще Н. Г. Дебольскій вступилъ двадцатитрехлѣтнимъ юношей, напечатавъ въ 1865 г. въ „Книжномъ Вѣстникѣ“ свою первую статью подъ заглавіемъ „О классификаціи наукъ“. Первый крупный трудъ его „Введеніе въ ученіе о познаніи“, появившійся отдѣльнымъ изданіемъ въ 1872 году, сразу завоевалъ молодому философу ту крупную самостоятельную позицію, которую Н. Г. упрочилъ за собой въ исторіи русскаго гегельянства. Дальнѣйшее развитіе оригинальных философскія воззрѣнія Н. Г. получили въ „Философскихъ основахъ воспитанія“ (1878), за которыми слѣдовали главнѣйшіе труды его—„Философія будущаго“ (1880), „О высшемъ благѣ“ (1886) и „Философія феноменальнаго формализма“ (вып. I и II—не законченный крупный трудъ, появившійся въ 1902 году, въ которомъ намѣчены и разработаны основныя положенія философской системы Н. Г.), а также цѣлый рядъ цѣнныхъ монографій и статей по историко-философскимъ педагогическимъ и психологическимъ вопросамъ, напечатанныхъ въ „Педагогическомъ Музеѣ“, „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“, „Педагогическомъ Сборникѣ“ и другихъ

періодическихъ изданійхъ („Очеркъ исторіи англійской філософіи“, „О психологіи Ушинскаго“, „Въ защиту реализма“, „Истинный смыслъ субъективизма“, „О непосредственномъ знаніи“, „О філософіи Беркли“, „Гербертъ Спенсеръ какъ метафізикъ“, „О содержаніи нравственнаго закона“). Изъ работъ Н. Г. Дебольскаго по эстетикѣ наибольшей извѣстностью пользуются его „Понятіе красоты“ и „Объ эстетическомъ идеалѣ“; изъ трудовъ Н. Г. по антропологіи заслуживаютъ вниманія его изслѣдованія „Вопросъ о происхожденіи человѣка“ (1885) и „Жгучіе вопросы антропологіи и этнографіи.“ Кромѣ того перу Н. Г. Дебольскаго принадлежитъ цѣлый рядъ статей въ „Энциклопедическомъ словарѣ“ Брокгауза и Эфрона. („Субстанція“, „Сущность“, „Телеологія“, „Теорія познанія“, „Умственное возрѣніе“ и „Філософія“: систематическая часть¹⁾) а также цѣлый рядъ многочисленныхъ статей по педагогикѣ, напечатанныхъ въ „Вопросахъ філософіи и психологіи“, „Воспитаніи и обученіи“, „Русскомъ начальномъ учителѣ“ и др. періодическихъ изданійхъ *); по порученію философскаго Общества Н. Г. редактировалъ переводъ „Трактата о человѣческомъ познаніи“ Беркли, вышедшій отдѣльнымъ изданіемъ въ „Трудахъ“ общества.

Философское общество при Петербургскомъ университетѣ (въ дѣятельности коего Н. Г. и понынѣ принимаетъ участіе въ качествѣ одного изъ членовъ — учреди-

¹⁾ Приведенный перечень далеко не охватываетъ всѣхъ трудовъ Н. Г. Дебольскаго; болѣе полный перечень приведенъ въ очеркѣ Я. Н. Колубовскаго „Філософія у русскихъ“ въ приложеніи къ его переводу „Исторіи новой філософіи“ Ибервегъ-Гейнце. Спб. 1890 г. стр. 574—575, а также въ статьѣ его о Н. Г. Дебольскомъ въ „Энциклопедическомъ словарѣ“ Брокгауза и Эфрона, т. X. стр. 232.

телей его) избрало маститаго философа,—въ воздаяніе за его почти полувѣковую дѣятельность на научномъ поприщѣ, въ свои почетные члены.

Міровоззрѣніе Н. Г. Дебольскаго, ярко обозначившееся въ основныхъ своихъ чертахъ къ началу восьмидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія, сложилось на почвѣ тѣхъ философскихъ тенденцій, которыя обрисовали своеобразное русло нѣмецкаго идеализма, отмѣтившаго переходный этапъ западной философіи отъ Канта до Гегеля. Господствовавшія въ ту пору въ западной философіи теченія—эмпиризмъ и догматизмъ,—перекрещиваясь другъ съ другомъ, растворились въ философіи Канта, найдя себѣ въ ней вмѣстѣ и свое примиреніе, и свое отрицаніе; установивъ апріорность формъ познанія и ограничивъ его содержаніе полемъ опыта, Кантъ примирилъ обѣ эти тенденціи въ новомъ тезисѣ, согласно коему мыслящій умъ, какъ органъ познанія, формулируетъ его чувственное содержаніе, ограничивъ предѣлы всякаго возможнаго знанія сферой своей познавательной дѣятельности; первоисточникъ природы (понимая его какъ оформленную умомъ чувственность) остается для насъ вѣчной *terra incognita*, «вещью въ себѣ», недоступной нашему познанію—въ силу ограниченности нашихъ познавательныхъ способностей; не трудно видѣть, однако, что поскольку мы признаемъ бытіе такой «вещи въ себѣ», (ускользающей отъ нашего познанія), рассматривая ее какъ „причину природы“,—постолько мы приписываемъ ей категоріи бытія и причинности и, слѣдовательно, признаемъ ее тѣмъ самымъ, по крайней мѣрѣ, до извѣстныхъ предѣловъ; съ другой стороны, всякая попытка отрицать бытіе „вещи въ себѣ“ неминуемо приводитъ къ признанію непознаваемости „вещи въ себѣ“, такъ какъ при такомъ допущеніи—за предѣлами природы не оказалось-бы ничего.

не познаваемого; такимъ образомъ понятіе „вещи въ себѣ“ оказывается, на провѣрку чѣмъ-то ирраціональнымъ, чѣмъ-то такимъ, что по самой природѣ своей ускользаетъ отъ нашего сознанія; не кантовская „вещь въ себѣ“, а вся совокупность нашихъ познавательныхъ способностей—умъ и все поле его чувственного содержанія,—вотъ гдѣ таится истинная первосущность, сущее въ себѣ. Отправляясь отъ этого положенія, Фихте, естественно, долженъ былъ выдвинуть въ первую голову вопросъ о томъ единомъ началѣ, которое по самой природѣ своей носитъ двойственный характеръ, сочетая въ каждомъ актѣ познанія обѣ эти стихіи—умъ и его содержаніе,—слитыя воедино въ субъектъ или познающемъ „я“; поэтому—учить Фихте—источникъ и формы всякаго познанія кроются въ нашемъ „я“; было-бы, однако, ошибочно думать, что каменоломня ума и чувственности кроется въ томъ „я“, которое дано въ актѣ познанія: вѣдь такое „я“ само напередъ уже дано нашему сознанію какъ нѣкоторое его содержаніе и не можетъ, поэтому, быть его первоисточникомъ. Не познающее „я“, не субъектъ познанія, не теоретическое „я“—учить Фихте—а нѣкоторое абсолютное „я“, служить источникомъ всякаго познанія; это послѣднее абсолютное „я“, какъ творческая стихія, призываетъ къ жизни теоретическое или познающее „я“—какъ свою антитезу. свое „не—я“, свой объектъ; такимъ образомъ въ абсолютномъ „я“, какъ въ высшемъ синтезѣ, находитъ себѣ примиреніе антитеза между „я“ и „не—я“, противоположеніе между теоретическимъ, познающимъ „я“ и практическимъ, познаваемымъ „я“: обѣ эти стихіи взаимно опредѣляютъ и дополняютъ другъ друга. Для того, однако, чтобы абсолютное „я“ могло призвать къ жизни эту антитезу, необходимо до-

пустить, что оно по самой природѣ своей—не что иное, какъ нѣкоторая дѣятельная творческая стихія: будучи безконечнымъ началомъ, оно—насквозь вѣчное стремленіе къ безконечности; отсюда—учить Фихте,—и объясняется, почему въ каждой стадіи развитіе этой творческой стихіи, этого первоначала (абсолютнаго „я“) неизбѣжно вскрывается скрытое въ немъ внутреннее противорѣчіе между идеей и фактомъ, между „я“ и „не—я“ т. е. между познающимъ субъектомъ и познаваемымъ объектомъ.

Ученіе Фихте, отмѣтившее крупный этапъ въ исторіи нѣмецкой философіи послѣ—кантовскаго періода, приуготовило почву для Шеллинговой философіи тождества: абсолютное „я“;—учить Шеллингъ—какъ безграничная самодовлѣющая стихія, не есть нѣчто по самой природѣ своей недѣлимое: индивидуальное „я“ есть лишь проявленіе, внѣшнее обнаруженіе, „объективация“ абсолютнаго „я“; въ основѣ даннаго нашему самосознанію „я“ и познаваемой имъ природы—учить Шеллингъ—лежитъ нѣкоторое абсолютное тождество: понятіе о такомъ тождествѣ не охватывается терминомъ „я“, такъ какъ ему чужда антитеза между „я“ и „не—я“, (т. е. между субъектомъ и объектомъ познанія). Ученіе Шеллинга объ абсолютномъ тождествѣ оказало крупное влияніе на судьбы нѣмецкаго идеализма: философія Фихте приуготовила ученіе Шеллинга; ученіе Шеллинга, въ свою очередь, расчистило почву для системы Гегеля; на почвѣ философіи Фихте взросло шелленгіанство, на почвѣ шелленгіанства выросло гегеліанство.

Такъ какъ шеллингова философія тождества отмѣчаетъ, въ сущности, поворотъ въ сторону догматизма, то неудивительно, конечно, что Шеллингъ построилъ искусственную теорію такъ называемаго „умственнаго возрѣнія“ съ

цѣлью оправдать свое отступничество отъ Канта такими доводами, которыя покоятся скорѣе на толкованіи буквы, чѣмъ духа критической фѣлософіи. Любопытна своеобразная аргументація. Шеллинга въ обоснованіе своей искусственной теоріи „умственного возрѣнія“: допустимъ на минуту, что выводы Кантовой „Критики чистаго разума“—неопровержимая истина и что поле нашего познанія и впрямь ограничено предѣлами содержанія опыта; въ такомъ случаѣ однако возникаетъ вопросъ: какъ возможна сама-то „Критика чистаго разума“ Канта? вѣдь если поле всякаго возможнаго (въ смыслѣ науки) знанія и впрямь ограничено предѣлами опыта, то неминуемо придется признать, что и все содержаніе самой-то „Критики чистаго разума“ точно также—насквозь опытное: вѣдь о внѣопытномъ знаніи не можетъ быть и рѣчи, разъ всякое знаніе возможно исключительно лишь на почвѣ и въ предѣлахъ опыта и, слѣдовательно, категоріи ума составляютъ не что иное, какъ опытное-же знаніе; такой выводъ равносильнъ, однако, признанію, что и вся критическая фѣлософія Канта въ сущности—не что иное, какъ замаскированный эмпиризмъ; если-же Кантовская „Критика чистаго разума“—не опытное, а сверхъ-опытное знаніе, то въ такомъ случаѣ самымъ уже фактомъ своего существованія она воочію свидѣтельствуетъ о возможности такого сверхъ-опытнаго знанія и, слѣдовательно, опровергаетъ себя самое, впадая въ заколдованный логическій кругъ, (*circulus vitiosus*). Противорѣчіе это—думалъ Фихте—устраняется путемъ допущенія особой способности непосредственнаго (интуитивнаго) самопознанія „я“ или „умственного возрѣнія“; Шеллингъ по-

шелъ еще дальше и, допуская возможность познанія абсолютнаго „я“ (или просто „абсолютнаго“—какъ называлъ его Шеллингъ) съ помощью особаго органа непосредственнаго усмотрѣнія, перекинулъ, такимъ образомъ, мостъ къ мистицизму. Гегель, ополчившись со всей остротой присущаго ему критическаго анализа противъ допущенія такого мистическаго органа „непосредственнаго усмотрѣнія“, полагалъ, съ своей стороны, что „органомъ философскаго познанія можетъ быть только понятіе“; если, поэтому, основу природы и духа слѣдуетъ искать въ „абсолютномъ“, то въ основѣ философіи должно лежать понятіе абсолютнаго, т. е. не какой-то мистическій процессъ „непосредственнаго усмотрѣнія“ вещей, а всего лишь мысль о такомъ усмотрѣніи. То, что мы называемъ „абсолютнымъ“—есть всего лишь наша мысль о немъ, и никакого „абсолюта“ кромѣ мыслимаго нами мы не знаемъ. Для того, однако, чтобы мы въ состояніи были обнять своей мыслью „абсолютное“, необходимо допустить, что наша мысль тождественна съ „абсолютнымъ“; въ противномъ случаѣ, если-бы „абсолютное“ не было-бы тождественно съ мыслью, было-бы чѣмъ-то по самой природѣ своей отличнымъ отъ нея, чуждымъ ей, оно, разумѣется, не могло-бы и претвориться въ мысль, т. е. было-бы чѣмъ-то недоступнымъ нашему мышленію; такимъ образомъ то абсолютное начало, которое Кантъ отождествляетъ съ „вещью въ себѣ“, Фихте—съ абсолютнымъ „я“, Шеллингъ—съ тождествомъ природы и духа, Гегель открываетъ въ мысли: «абсолютное есть не что иное, какъ мысль; поэтому законы абсолютнаго суть категоріи мысли; лишенная всякаго содержанія, мысль, какъ голое опредѣленіе абсолютнаго, называется „бытіемъ“; но такъ какъ оно без-